

Михаил С. ХМЕЛЕВСКИЙ
Санкт-Петербург

К истории формирования наречий степени признака и меры (чешско-польские параллели)

Во всех славянских языках в качестве языковой универсалии выделяется разряд наречий степени признака и меры (интенсификаторы), представляющих собой синонимический ряд, ядром которого в русском языке выступает слово *очень*, в польском – *bardzo*, в чешском – *velmi*, *velice*. Речь идет о таких словах, как, например: *velmi důležitý*, *strašně se těšit*, *moc dobrý*, *velice krásný*, *úžasně dobrý*, *hrozně zajímavý* (чеш.), *bardzo ciekawy*, *strasznie miły*, *ogromnie lubić*, *okropnie wiele*, *niezwykle uradowany* (пол.) и т.п.¹ В большинстве своем эти слова восходят к качественным прилагательным, которые в результате определенных трансформаций внутри семантической структуры развили признак, послуживший толчком для формирования значения интенсификатора у производных наречий. Таким образом, образованные от качественных имен прилагательных, имеющих наряду с основным значением, вторичное значение признака в высшей степени его проявления, мотивированные наречия преимущественно развивают значение интенсификатора уже как основное. Конечной фазой семантических преобразований внутри качественного наречия является полное затемнение и вытеснение качественного значения семой показателя степени и меры, сравним: *strašně křičet* – *strašně hezký*, *děsně řvát* – *děsně*

¹ Здесь и далее, где нет ссылок на источник, примеры приводятся из словарей польского и чешского языков, см. библиографию.

krásné oči, šíleně se chovat, šíleně bojovat – šíleně velký, šíleně se zajímat o hudbu (чеш.), *serce mocnie bije – mocnie straszliwy, straszno wyglądać – strasznie duzo, strasznie kochać* (пол.) и т.п.

Данную группу наречий-интенсификаторов следует отличать от групп количественных и качественных наречий с иными семантическими функциями. Основной функцией интенсификатора является интенсификация действия, признака, признака признака, т.е. другого наречия, а также категории состояния, соответственно, они являются показателями измерений по имплицитной шкале (Януш 1990, с. 267), тогда как количественные наречия квантифицируют частоту проявления признака, его многократность и длительность, а также указывают на большое неопределенное количество, в свою очередь качественные наречия дают качественную характеристику признаку или действию. Сравним:

1. *Piotr bardzo (strasznie) się mylił w życiu* (пол.), *Zuzka se velmi (velice, hrozně) zajímala o hudbu* (чеш.) ‘очень, сильно’ – интенсификация действия,
2. *Piotr duzo (wiele) się mylił w życiu* (пол.), *Zuzka se mnoho (hodně) zajímala o hudbu* (чеш.) ‘много’ – количественная квантификация, частотность,
3. *Piotr często (głęboko) się mylił w życiu* (пол.), *Zuzka se často (hluboce, celoživotně) zajímala o hudbu* (чеш.) – качественная характеристика действия.

Рассматривая данный разряд слов внутри лексико-семантической категории количественности, следует подчеркнуть, что наречие является одним из самых распространенных средств передачи интенсивности в языке (Сергеева 1967, с. 3). В свете отнесенности наречий-интенсификаторов к категории экспрессивности и оценки чешский лингвист В. Матезиус отмечал, что характерной чертой слов данной группы является непрерывная тенденция к стиранию и постепенной утрате первичной эмоциональной окраски, которая относится к разряду нестабильных в языке, постоянно меняющихся характеристик значения. По

этой же причине язык нуждается в новых способах и формах выражения интенсификации, постоянно появляются новые лексемы, для которых эмоциональная окраска еще „свежа” (Mathesius 1947, с. 203–223). Процесс расширения разряда интенсификаторов в языке постоянен, причем развитие значения показателя высокой меры или степени протекает по определенным лексико-семантическим моделям, во многом параллельным для близких и неблизких языков путям (Сергеева 1966, с. 79).

Так на материале западнославянских языков выделяются модели формирования наречий-интенсификаторов на базе качественного значения производящего прилагательного ‘большой по размерам’ (*velmi, obrovsky, ohromně* – чеш., *wielce, ogromnie* – пол.), ‘сильный’ (*silně, moc, tuze* – чеш., *silnie, mocnie* – пол.), ‘ужасный, жуткий’ (*strašně, děsně, úžasně, hrozně* – чеш., *strasznie, przeraźliwie, okropnie* – пол.), ‘крайний, предельный’ (*krajně, smrtelně* – чеш., *śmiertelnie, szalenie* – пол.), ‘положительный’ (*hodně, pořádně, slušně* – чеш., *porządnie* – пол.), ‘необыкновенный’ (*nezvykle, mimořádně, neobyčejně, nevšedně* – чеш., *niezwykle, niezwykajnie* – пол.) и ряд других.

С точки зрения сравнительной славянской лексикологии любопытно проследить результаты семантических трансформаций у качественных наречий в сторону развития семы показателя высокой меры или степени на материале соседних близкородственных языков, как, например, чешского и польского. Лексико-семантические модели становления данной группы слов сходны во всех славянских языках, однако различия обнаруживаются на уровне семантики, стилистики, экспрессивного наполнения, синтаксиса, сферы и периода употребления наречий, развивших семантический признак интенсификатора.

Одним из самых древних наречий-интенсификаторов является ряд слов, образованных от общеславянского прилагательного с корнем *vel-*, а именно, чеш.: *velmi, velice*, пол.: *wielce*. Исконная форма мотивирующего прилагательного **velbъ* ‘большой’ была известна древнечешскому языку в форме *velí*. Словарь Й. Юнг-

мана (Jungman 1835–1839) фиксирует употребление и однокоренного наречия уже в значении интенсификатора, утраченное современным языком: *Ten imieše dceř jedinu sobie i všiem milu wele*. Тогда как в современном польском языке, в отличие от чешского, широко функционирует однокоренное наречие *wiele*, однако в несколько ином значении – в качестве показателя большого неопределенного количества: *wiele ludzi, wiele kłopotów, wiele lat* – ‘много’.

Продуктивным формантом для образования наречия от прилагательного **velbjь* во многих славянских языках стала форма двойственного числа творительного падежа: чеш. *velmi* (сравним: укр. *вельми*, словацк. *veľmi*, серб./хрв. *веома*), в котором была изначально заложена потенция интенсифицировать признак либо действие. Это наречие является самым распространенным и стилистически не окрашенным интенсификатором в современном чешском языке, составляющим ядро синонимического ряда слов-интенсификаторов. Древнечешскому языку также было известно употребление однокоренного наречия в том же значении показателя высокой степени и меры в форме творительного падежа единственного числа *velím* в том же значении: *Zavidiechu bohatstvo jej velím* (Jungman 1835–1839). В древнепольском языке (14–15 вв.) также употреблялось наречие *wielmi*, аналогичное современному чешскому, однако в 16 в. оно было полностью вытеснено наречием в том же значении – *bardzo*.

В современных славянских языках встречаем и другие наречные образования с корнем *vel-*, мотивированные вторичной, более продуктивной словообразовательной формой прилагательного с суффиксом *-ik*, а именно польское *wielki* и чешское *velký, veliký* в значении ‘большой, великий’. Таким образом, в чешском языке обнаруживаем производное наречие *velice*, образованное по характерному для чешского словообразования типу с соответствующим чередованием *k/c*, которое выступает в функции стилистически не окрашенного, широко распространенного интенсификатора: *velice se těším, velice dobrý a zajímavý, velice mnoho*.

С другой стороны, в древнепольском языке, еще в переводе псалтыри, встречается форма наречия *wielice* в функции интенсификатора (Brückner 1957), давно утраченная и не известная современному языку. В современном польском языке жива форма наречия *wielce*, которая употребляется в значении показателя высокой степени или меры и относится к книжному стилю языка: *wielce przyczynić się, wielce szanowany doktorze!* В чешском языке, в словаре Й. Юнгмана также фиксируется употребление формы наречия *velce* в том же значении, являющаяся для современного языка книжным архаизмом: *velce květovaný ubrus* (Jungman 1835–1839).

Значительный интерес для сопоставительной славянской лексикологии представляют интенсификаторы *ohromně* (чеш.) и *ogromnie* (пол.), образованные по той же лексико-семантической модели – от значения мотивирующего прилагательного ‘очень большой, огромный’. Этимологически эти слова связываются с общеславянским глаголом **ohromiti* – ‘громом или грохотом испугать, как громом оглушить, ошеломить’ (Máček 1957). Чешскому языку времен Й. Юнгмана известны ставшие уже архаичными употребления типа *ohromný hlas* – ‘голос, из которого исходит ужас, оглушающий’, *ohromná bouře* – ‘оглушающая буря’ (Jungman 1835–1839). Некоторое время в языке существовали и прежнее, и новое производное значение, ср.: *ohromný třesk mečů* – ‘оглушительный’ и *ohromné zdi* – ‘большие’. Словарь современного польского языка (*Słownik języka polskiego* 1958–1968) приводит примеры, в которых данное слово употребляется в своем исконном значении: *Batalion!... naprzód marsz!... – wrzasnął ogromnym głosem nasz major; Śmiech ogromny jak grzmot rozległ się w zgromadzeniu*. Таким образом, согласно общим закономерностям, как в чешском, так и польском языках исконное значение было вытеснено, и в качестве основного развилось значение интенсификатора: *ogromny chłopisko, ogromna radość – ogromnie miły, ogromnie lubić, ogromnie się cieszyć, lu-*

dzie zakochani są ogromnie zabawni (пол.), *ohromný dub, ohromná síla – ohromně vysoký, ohromně ti to sluší, ohromně důležitý* (чеш.)

По той же модели проходило развитие значения интенсификатора у чешского наречия *náramně* на базе семантического признака производящего прилагательного ‘очень большой, огромный’. Й. Юнгман толкует этимологию этого слова через существительное *ramě* – ‘плечо’, следовательно, значение прилагательного – ‘такой большой, что можно унести только на плечах’ (Jungman 1835–1839), префикс *ná-* также выступает в значении усиления (Máček 1957). Таким образом, у однокоренного наречия развивается значение интенсификатора: *náramně vysoký, náramně velký, náramně se bát*. В польском языке подобного сдвига значения не произошло, прилагательное *naramienny* сохранило исконное значение – ‘наплечный’.

Параллельным путем проходило развитие значения интенсификатора у чешского и польского наречия с корнем *moc-*, различия обнаруживаются в стилистике, а именно в чешском языке употребление этого наречия относимо к высокому стилю (*To mně mocně inspiruje*), тогда как для польского данные употребления стилистически не маркированы (*mocnie pozytywne wrażenia, mocnie straszliwa, mocnie wierzyć, mocnie kochać, jestem mocnie zdziwiony*). Вместе с тем, необходимо отметить, что в чешском языке в качестве интенсификатора довольно широко употребляется существительное *moc*: *to mi moc mrzí, byl bych moc rád, znám ho moc dobře, moc slabý*, тогда как в польском существительное *moc* употребляется в значении ‘много, масса, огромное количество’ и характеризуется отнесенностью к разговорному пласту языка: *moc ludzi*.

Сходно также развитие исследуемого значения у наречий с корнем *sil-*: чеш.: *silně se cítit, silně se bát, silně důležitý*, пол.: *silnie chcieć, silnie cieszyć się*. Подобный перенос значения сопровождается и поддерживается наличием в языке сочетаний, где однокоренное существительное приобретает значение количественного наречия и выступает в функции показателя большого

неопределенного количества. В чешском разговорном языке часты употребления типа *silá lidí, silá peněz* – т.е. ‘много’, однако в польском языке лишь в древней литературе возможно обнаружить аналогичные сочетания, являющиеся устаревшими для современного языка: *siła złego dwu na jednego* (Brückner 1957).

Общеславянское слово *siła* этимологи соотносят с инд. *si-* ‘связывать’, герм. *saila* – ‘ремень’, нем. *Saila* – ‘шнур’. Такое сопоставление проясняет затемненную этимологию славянского корня: сила есть материальный предмет, гибкий шнур, предназначенный нести нагрузку, выдерживать натяжение, позднее название передалось самому натяжению (Мурьянов 1982, с. 54). В данной связи интересно сопоставить становление показателя высокой меры и степени у чешского наречия *ukrutně* и польского *okrutnie*. Этимологически эти слова связываются с глаголом *ukrýtiti* – ‘скрутить, свить в веревку’. Как было замечено выше, подобное действие непосредственно ассоциируется с представлениями о физической силе, таким образом, у однокоренного прилагательного развиваются переносные значения ‘безжалостный, жестокий, суровый’, а также ‘сильный, интенсивный, значительный по степени проявления’: *ukrutná bolest, nenávist* (чеш.), *deszcz był okrutny, most z okrutnych kamieni*. Подобный перенос значения послужил толчком для формирования семы показателя высокой степени признака у производных наречий, причем качественное значение зачастую нейтрализуется: *ukrutně se lekl, jsem ukrutně zvědav, byl ukrutně rád* (чеш.), *okrutnie bogaty człowiek, Słowo to okrutnie jest bardzo w modzie, I tak mówią: ta dama jest okrutnie grzeczna, a druga okrutnie gruba, jednego okrutnie kocha, drugiego okrutnie lubi* (Linde 1859). Чешско-польские различия обнаруживаются на уровне стилистики. Чешское наречие обладает яркой эмоциональной окраской и отнесенностью к разговорно-экспрессивному стилю языка, тогда как употребление польского наречия в значении интенсификатора признака либо действия определяется словарями как архаичное и региональное.

По одинаковому пути проходило развитие значения интенсификатора у чешского и польского наречий с корнем *strach-*, сравним: *strašně dobrý, strašně zvědavý* (чеш.), *strasznie dużo, jestem strasznie głodny*. В работах чешских лингвистов нередко встречаются рассуждения об уже признанном факте, что в разговорном языке весьма часто встречаются сочетания типа *strašně krásný, hrozně dobrý*. Причем, по словам чешской исследовательницы;

[...] volné přiřazení dvou slov s protikladným významem v obecné a hovorové češtině je oblíbeným výrazovým prostředkem, jímž se vyjadřuje nadsázka, nebo se zvyšuje významový obsah základního slova (*strašně krásný, hrozně rád* apod.)... Významové posunutí příslovce *strašně* a příslovce *hrozně* v uvedených příkladech je v mluveném dorozumívání tak běžné, že vyjádření velkého nadšení nebo vynesení soudu nad něčím krásným se jiným způsobem téměř neprovádí (Škvorová 1991, с. 201).

Подобные употребления являются универсальными для всех славянских языков (русс. *страшно любить, страшно интересоваться*, словацк. *strašne pekná, strašne múdry professor*, серб. *страшно леп, страшно добар човек*, словен. *strašno rad dela na vrtu* и т.д.)

По той же лексико-семантической модели „страшно = очень” формируется и закрепляется значение интенсификатора у польского наречия *okropnie*. Интересно проследить развитие семантической структуры данного слова в истории развития языка. Этимологически оно возводится к слову *kropla* ‘капля’, соответственно, глагол *kropić* ‘брызгать’ (сравним русск. *окропить*, чеш. *kropit ulice, záhony, prádlo* ‘брызгать, поливать’). Однако у польского слова произошел семантический сдвиг, не известный другим славянским языкам, еще в древний период было развито значение, связанное с кипятком, горячей, обжигающей жидкостью: *ukrop* ‘кипяток’. Следовательно, исконным значением однокоренного прилагательного *okropny* является ‘тот, который обдает кипятком’, в последствии оно расширилось и абстрагировалось ‘приводящий в жар, ужас’. Данный перенос значения зафиксирован еще в древнепольском языке, где встречаем употребление прилагательного *okropny* уже в современном значении ‘жуткий,

ужасный, чудовищный’ (Brückner 1957). Согласно вышеотмеченной тенденции, однокоренное наречие наряду с качественным значением (*okropnie wyglądać*) развивает значение показателя интенсивности, вытесняя первичный семантический признак: *okropnie dużo, okropnie wielki*. Данный пример показывает, что для формирования значения интенсивности релевантным выступает семантический признак – в данном случае – страха, который и послужил толчком для развития значения интенсификатора. Это значение может быть исконным, как в слове *strašně*, или развитым в ходе истории языка, как, например, у слова *okropnie, hrozně*.

Любопытно также рассмотреть развитие семантики у чешского наречия *úžasně*. В польском языке не обнаруживаем аналогов, кроме этимологически однокоренного глагола *żachnąć się* ‘возмутиться, с негодованием отвергнуть’. Слово в форме, сходной с чешской, в польском языке можно встретить в памятниках 15–16 вв.: *urzasł słów* (Brückner 1957). Этимологически чешское прилагательное *úžasný* также бесспорно связывается с общеславянским значением ‘жуткий, вызывающий чувство ужаса, страха’ (Zubatý 1945, с. 19; Holub 1937). В древнечешском языке оно еще выступало в своем исконном значении, однако впоследствии это было вытеснено переносным – ‘вызывающий большое удивление, изумление, поразительный’, благодаря чему прилагательное приобрело положительную коннотацию. Семантические процессы затронули все чешские слова с корнем *úžas*. В современном чешском языке мотивированное существительное имеет единственное значение, антонимичное русскому и другим славянским языкам, – ‘удивление, изумление’: *s úžasem se dívat* ‘смотреть с удивлением’. Соответственное значение встречаем у однокоренного прилагательного: *úžasná pamět, to je úžasný oběd, úžasný den* ‘удивительный, прекрасный, замечательный’, а также наречия: *úžasně hrát na klavír, úžasně zpívat* ‘чудесно, удивительно’ (сравним: русск. *ужасный день* ‘плохой’, *ужасно петь* – ‘плохо, отвратительно’, аналогично в серб. *ужасна историја*,

ужасно изгледати). Даже в близкородственном словацком языке исконное значение прилагательного сохраняется, например, сочетание *úžasně vspomienky* толкуется словарем словацкого языка как ‘vzbudzujúce úžas, strašné’, а также наречия: *úžasne hynúť*. Однако, несмотря на столь сильное расхождение в значении данной лексемы с другими славянскими языками, чешское наречие развило семантический признак интенсификатора и в современном разговорном языке достаточно широко употребляется в качестве синонима слов *velmi, velice: úžasně rychle, je to úžasně pracovitý člověk, úžasně malý, jsem úžasně rád* и т.д. На формирование данного значения у чешского наречия оказали влияние потенциально заложенные в нем семантические признаки, а именно исконная сема страха, ужаса, развитый признак ‘необыкновенный, удивительный, поразительный’ (сравним универсальную для всех славянских языков модель: *удивительно интересный, необыкновенно умен, поразительно приятен* – русск., *neobyčejně se zajímat o knihu, nezvykle nadaný člověk* – чеш., *niezwykle interesujący film, niezwykle łatwo* – пол.) Соединение двух значений, а также наложение переносного значения у прилагательного ‘большой, интенсивный по степени проявления’ (*úžasně bohatství, úžasná moc, rychlost, radost*) явились производными по отношению к семантическому признаку интенсификатора у однокоренного наречия. Данный пример показывает, что формированию рассматриваемого значения у наречий может способствовать не один, а несколько значений, потенциально способных к подобным семантическим трансформациям, следовательно, в данном случае имеет место сразу несколько моделей формирования семы интенсификатора.

Похожим способом развивалась семантика чешского наречия *značně* и польского *znacznie*. Производящее прилагательное этимологически связывается с именем существительным *znak*, таким образом, его исконным значением является ‘обозначенный, хорошо заметный для глаза’. Это значение в словаре Й. Юнгмана фиксируется как архаичное: *Ba, již mech a svlačou*

prsteny obalily mnohou lebkou, že je sotva značná tvému hledu (Jungman 1835–1839), к началу XX века оно полностью выходит из употребления. В польском языке данное значение сохраняется и характерно для разговорного стиля языка: значение прилагательного в сочетании *odgrywać znaczną rolę* словарем трактуется как ‘заметный’. В качестве основного семантического признака и в чешском, и польском языках развивается значение ‘большой, огромный’: *značná výška, značné rozměry* – чеш., *w znacznej mierze, znaczna część* – пол. Предпосылкой для изменения и трансформации исконного качественного значения однокоренного наречия послужили словосочетания, в семантике которых содержатся два представления: величины и наглядности одновременно: *značně stoupající ceny* – чеш., *znacznie się polepszyć, znacznie mniej* – пол.

Определенное значение в формировании разряда слов – интенсификаторов имела лексико-семантическая модель развития на базе положительного признака. В данном смысле интерес представляет трансформация семантики чешского наречия *hodně* и сопоставление с близкородственным польским *godnie*. Эти слова этимологически возводятся к общеславянскому корню *hod-*, исконным значением мотивирующего прилагательного было – ‘тот, который вовремя, в пору’, которое в последствии расширилось до ‘подходящий, годящийся’: *to se tam hodí, vhodný příklad*. Семантическое развитие прилагательного подробно рассматривается в работе чешского лингвиста В. Эртла. Исходя из выводов его исследования, в определенной речевой ситуации слово *hodně* ассоциируется с представлениями меры. Чешские сочетания *hodná mzda, hodný kus cesty* изначально, бесспорно, обозначали ‘подходящий, такой, какой нужно’. Одновременно на это значение накладывался семантический признак ‘большой, значительный’ (Ertl 1919, с. 140). В современном чешском языке это значение является основным наряду с ‘хороший, добрый’ (*hodný člověk*). В отличие от чешского языка современному польскому языку не известно употребление прилагательного в значении ‘большой’, его фиксирует лишь словарь А. Брюкнера, а вместе

с ним и употребление наречия *godno*, значение которого трактуется с помощью слова *sporo*, т.е. показатель большого неопределенного количества ‘много’. В современном польском языке прилагательное *godny* употребляется в значении ‘достойный, заслуживающий чего-либо’: *godny uwagi, zaufania, podziwu*, а также ‘почтенный, полный достоинства’: *godny człowiek*. Соответственно, в польском языке в результате семантических трансформаций не была развита база для формирования значения интенсификатора у однокоренного наречия, тогда как в чешском языке развитое прилагательным значение ‘большой’, согласно выше проиллюстрированной модели, является производным по отношению к семантическому признаку интенсификатора. Сравним, современные употребления польского и чешского наречий, пол.: *godnie przyjąć gości* – ‘достойно, подобающим образом’ (исконное значение восстановимо), *godnie się zachowywać* – ‘с достоинством’; чеш.: *hodně hloupý, hodně dlouho* – ‘очень’, выступает в функции стилистически нейтрального интенсификатора. Более того, чешское наречие способно выступать и в функции показателя большого неопределенного количества, т.е. исключительно в качестве количественного наречия: *hodně lidí, hodně peněz, měl hodně práce*.

По модели формирования значения интенсификатора на базе положительного семантического признака развивалась семантическая структура чешского наречия *pořádně* и польского *porządnie*. Семантический сдвиг, по мнению В. Эртла, произошел также в результате соединения значения ‘прилично, порядочно’ с представлениями о размере, величине. Так, например, сочетание *pořádně pracuje* означает, что ‘человек работает по распорядку, то есть как того требует порядок, рамки приличия, при этом возникает представление о том, что человек работает много’ (Ertl 1919, с. 141). Таким образом, как в чешском, так и польском языке подобный сдвиг в значении повлек за собой нейтрализацию исконного качественного значения, которое во многих контек-

стах современным носителем языка не восстанавливается: *je pořádně hloupý, porządnie duży kawał drogi*.

В заключение стоит рассмотреть лексико-семантическую модель формирования разряда наречий-интенсификаторов на базе качественного значения производящих прилагательных *скорый, быстрый, стремительный*. Наиболее ярким примером данного типа для всех славянских языков может служить польское наречие-интенсификатор *bardzo*, способное выступать как в количественном значении (*bardzo myśli, bardo pije*), так и в своем основном значении – показателя высокой степени (*bardzo pięknie, bardzo dużo, bardzo się cieszę*). Исконно это наречие восходит к качественному прилагательному со значением ‘быстрый, скорый, резкий’ (сравним русск. *борзой*, чеш. *brzo*, серб. *брзо*). До 16 в. данное наречие употреблялось в форме *barzo*, в последствии было вытеснено современной формой (Brückner 1957). Следы старой формы сохранились лишь в устойчивых сочетаниях типа *wsadzać na barzego, zsadzać z barzego (konia)*, в которых еще ощущается исконное значение древнего качественного значения. Для современного носителя языка мотивировка интенсификатора *bardzo* утрачена, о чем свидетельствуют такие словосочетания, как *bardzo powolny*.

Примеры наречий, развивших признак показателя высокой степени и меры по той же модели, что и польское *bardzo*, т.е. на базе качественного признака ‘быстро, резко’, находим в чешском языке. Речь идет, прежде всего, о наречии *prudce*, мотивированном качественным прилагательным *prudký* ‘очень быстрый, резкий, скорый’: *prudký pohyb, prudká jízda*. В качестве переносного значения развивается сема ‘сильный, мощный’: *prudce se rozvíjet, prudce chodit po pokoji, prudce stoupající ceny, prudce se obrátit*. Данное значение легко ассоциируется с представлениями о высокой степени и мере (ср.: *silně vysoký, moc dobrý*), следовательно, данное значение выступает в качестве производного по отношению к значению интенсификатора, которое в определенных контекстах нейтрализует исконное качественное значение: *prudce se*

*pohádat, prudce se leknout; Zatoužil prudce po vysvobození; Černo-
horci jsou i na nejbližší bratry prudce řevniví.*

Таким образом, некоторые, наиболее показательные параллели, проведенные в области формирования разряда наречий-интенсификаторов в польском и чешском языках, помогают получить представление о способах формирования данного разряда слов, выделить общие и частные черты в одной из областей экспрессивно-стилистического пласта лексики в близкородственных языках – тесно связанной с языковыми категориями количественности, оценки, экспрессивности.

Библиография

- Мурьянов М. Ф., *Сила (Понятие и слово)*, „Этимология. 1980” [Москва] 1982.
- Сергеева Е. Н., *Абсолютная степень интенсивности качества и ее выражение в английском языке*, [в:] *Проблемы лингвистического анализа*, Москва 1966.
- Сергеева Е. Н., *Степени интенсивности качества в английском языке. Автореферат дисс.*, Москва 1967.
- Brückner A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa 1957.
- Ertl V., *O výrazech zesilovacích, vzniklých otřením slov*, „Naše řeč” 1919, č. 3.
- Gebauer J., *Slovník staročeský*, Praha 1970.
- Jungman J., *Slovník česko-německý*, Praha 1835–1839.
- Holub J., *Stručný slovník etymologický*, Praha 1937.
- Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W., *Słownik języka polskiego*, Warszawa 1900–1919.
- Linde S.B., *Słownik języka polskiego*, Lwów 1860.
- Máček V., *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha 1957.
- Mathesius V., *Zesílení a zdůraznění jako jevy jazykové*, [in:] V. Mathesius, *Čeština a obecný jazykový*, Praha 1947, s. 203–223.
- Slovník spisovného jazyka českého*, díl 18, Praha 1979.
- Slovník současného jazyka českého*, Praha 1971.
- Słownik języka polskiego*, red. W. Doroszewski, t. 110, Warszawa 1958–1968.
- Słownik polszczyzny XVI wieku*, Wrocław–Warszawa–Kraków 1958–1968.
- Škvorová D., *Strašně*, [in:] *Jazykové sloupky*, Praha 1991, s. 201.
- Zubaty J., *K výkladu některých přísloví, zvláště slovanských*, [in:] *Studie a články*, sv. 1., č. 1, Praha 1945.